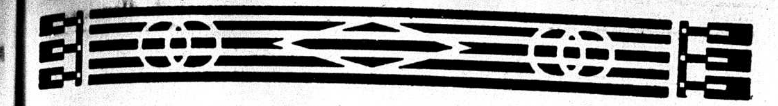
и тактики самих ревизионистских вождей, благодаря которой выступил наружу и стал разоблачаться истинно-буржуазный характер всего этого направления. С другой стороны, к этому прибавились еще и общие, чисто-экономические причины: в 1901 году кончился период экономического под'ема и наступил промышленный кризис. Вследствие этого все надежды и ожидания ревизионистов насчет новых форм развития капитализма и вытекающих отсюда новых методов социалистической борьбы— разлетелись в прах. Классовые противоречия стали все более и более обостряться и резко выступать наружу в ожесточенных схватках между рабочими и предпринимателями,—а иллюзии мирного развития капитализма в направлении промышленно-экономического прогресса — окончательно испарились.

Эти причины стали в последующие годы влиять все сильнее и сильнее, между тем как ревизионисты своими бестактными выступлениями, своими заигрываниями с буржуазными партиями стали вновь и вновь раздражать партию и широкие пролетарские массы.

Это привело, наконец, к тому, что в 1903 году партия решительно положила конец «бестактной тактике» ревизионистов и их теоретическим и принципиальным блужданиям и их политическим вожделениям. Ясную картину этого последнего и решительного отпора ревизионизму дает III том настоящей серии сборников материалов.

Берлин, декабрь 1906 г.

Теория кризисов Маркса [1]).

М. Спектатор.

I.

Нельзя сказать, чтобы проблема кризисов была с достаточной определенностью выяснена не только в буржуазной экономии, которая сознательно стремится запутать этот вопрос, как-нибудь «заговорить» эту основную, неизлечимую болезнь капитализма, но и в марксистской литературе. На заре капитализма буржуазная экономия пыталась отрицать самый факт промышленных кризисов. Она признавала кризисы от недостатка каких-нибудь предметов вследствие естественных несчастий (неурожаев, наводнений и т. п.), от спекуляций (кредитные и денежные кризисы), наконец, от неравномерного распределения производства по отдельным областям народного хозяйства, вследствие чего могли создаваться недостаток в одних предметах и излишек в других. Но общего переполнения рынка товарами, не находящими себе сбыта, падения общего уровня товарных цен она себе не могла представить. В настоящее время отрицать факт общих кризисов не представляется возможным. Но от признания этого факта буржуазная экономия пыталась вначале отделаться заявлением, что капитализм постепенно вылечивается от своей болезни, что действие кризисов все ослабевает, так как капитализм в картелях и трестах нашел средство исцеления. Когда оказалось, что, несмотря на картели и тресты, кризисы не только не прекратились, но даже участились, что и действие их отнюдь не ослабло, тогда кризисы были об'явлены «естественным» явлением, регулярно повторяющимся, независимо от характера и системы производства, и, подобно движению небесных тел, могут быть только математически изучены. Стоит только уловить, какие линии следует начертить, исходя из законов математики, и перед нами раскрывается история будущего... Во всяком случае, пусть никто не мечтает о том, что можно будет когда-нибудь освободиться от этого бича пролетариата: непреложные законы математики говорят, что в определенные периоды хозяйство должно пройти через стадию кризиса или депрессии. Вот основной социальный смысл современной «математической школы» в политической экономии и ее теории хозяйственных циклов.

В нашу задачу не входит анализ буржуазных теорий кризисов. Мы касаемся их постольку, поскольку они в известном смысле могут уяснить нам марксистскую теорию кризисов.

---

[1]) Глава из подготовляемого к печати III тома «Мирового хозяйства до и после войны».

II.

Отрицание возможности кризисов опиралось раньше на представление о том, что в капиталистическом обществе, основанном на товарно-денежных и кредитных отношениях, с одной стороны, и на эксплоатации труда, с другой, происходит простой товарообмен, основанный исключительно на разнице в потребительной стоимости обмениваемых между собой товаров. На самом деле, основная идея системы Сэя-Рикардо сводилась, как известно, к тому, что продукты продаются за продукты или «услуги», деньги служат при этом только орудием, посредством которого совершается этот обмен. Если произведено слишком много одного товара, для которого нет сбыта, то это потому, что другого товара, на который он мог бы быть продан, произведено слишком мало. Иначе и не было бы перепроизводства. Такова схема хозяйственного развития Сэя и Рикардо [1]).

В основе этих «теорий» лежит обобщение факта простого товарного обмена, который на самом деле не может совершаться иначе, как при купле и одновременной продаже товаров. При наличии денег этот акт распадается пространственно и во времени. Могу продать свой товар сегодня и купить в другой раз или в другой стране. Следовательно, в данное время или в данном месте может оказаться больше товаров, чем на них имеется спрос, и проявиться диспропорция, а следствием ее — вынужденная продажа товаров по низким убыточным ценам, — кризис.

На эту возможность расхождения во времени одних потребностей от других указывал в свое время и Сисмонди. Но только Маркс, исходя из своей теории стоимости, дал убийственную критику этой теории.

На заявление Рикардо, что «продукты всегда покупаются за продукты, или приобретаются за услуги», Маркс замечает, что

«товар, в котором имеется противоположность меновой и потребительной стоимости, превращается (у Рикардо.—М. Сп.) просто в продукт (потребительную стоимость), а потому и обмен товаров превращается просто в меновую торговлю продуктами, только потребительными ценностями. Нас отодвигают назад не только за капиталистическое производство, но даже за простое товарное производство, и самое сложное явление капиталистического производства—мировой кризис—отрицается путем отрицания первого условия капиталистического производства,—именно, что продукт должен быть товаром, что он поэтому должен быть представлен в деньгах и проделать процесс метаморфозы» («Теория прибавочной стоимости», 2 т., стр. 275).

И далее:

«Если бы товар не мог быть из'ят из обращения в форме денег, и если бы обратное превращение денег в товар нельзя было отодвинуть, если бы—как это имеет место при непосредственной меновой торговле—купля и продажа совпадали, то исчезла бы возможность кризисов при сделанных предпосылках. Ибо предположено, что товар является потребительной ценностью для других товаровладельцев. В форме непосредственной меновой торговли товар не может быть обменен лишь в том случае, когда он не является потребительной ценностью, или же когда на другой стороне нет других потребительных ценностей для обмена на него,—следовательно, лишь при двух условиях: или когда одна сторона производит бесполезные вещи, или когда на другой стороне нет ничего полезного, что могло бы обмениваться в качестве эквивалента на потребительную ценность, имеющуюся на первой стороне. Однако в обоих случаях вообще не было бы обмена. Но поскольку обмен произошел бы, его моменты не были бы разделены. Покупатель был бы продавцом, продавец—покупателем».

«Трудность превращения товаров—особого продукта индивидуального труда—в деньги, в их противоположность, в абстрактно всеобщий, общественный труд, заключается в том, что деньги не существуют, как особый продукт индивидуального труда, что тот, кто продал, следовательно, у кого товар уже имеется в форме денег, не вынужден тотчас же покупать, снова превратить деньги в особый продукт индивидуального труда» (Там же).

Это во-первых.

Во-вторых, мы имеем дело не просто с денежным, а с капиталистическим хозяйством. Вместо заработной платы, Рикардо говорит об «услугах»,—слово, в котором исключена специфическая определенность наемного труда и его значения—именно... создание прибавочной стоимости. Отсюда и дальнейшая ошибка Рикардо, который заявляет:

«Каждый человек производит для потребления или для продажи, и он продает только с целью купить какой-нибудь другой товар, который мог быть ему полезен или мог бы способствовать дальнейшему производству».

Маркс называет эту мысль Рикардо «ребяческой болтовней».

Ибо «ни один капиталист не производит для того, чтобы потреблять свой продукт. И когда речь идет о капиталистическом производстве, то совершенно верно, что «никто не производит, имея в виду потребление своего продукта», даже в том случае, когда он берет часть своего продукта для промышленного потребления. Раньше упущено было из виду даже общественное разделение труда. В такой стадии общественного развития, когда люди производят для самих себя, на самом деле нет кризисов, но нет также и капиталистического производства. Мы также никогда не слышали, что древние со своим основанным на работе производством знали когда-нибудь кризисы, хотя отдельные производители и у древних могли обанкротиться. Первая часть альтернативы является бессмыслицей. Также вторая. Человек, который произвел продукт, не имеет выбора, хочет ли он продать или нет. Он должен продать. В кризисах именно и проявляется тот факт, что он не может продать, или должен продать только ниже цены производства, или даже с положительным убытком. Какое значение имеет для него и, следовательно, для нас то, что он производит для продажи? Важно именно знать что мешает этому хорошему намерению.

Далее: «Каждый человек продает только с целью купить какой-нибудь другой товар, который мог бы быть ему непосредственно полезен, или мог бы способствовать дальнейшему производству». Какое милое изображение буржуазных отношений! Рикардо забывает даже то, что кто-нибудь может продавать, чтобы заплатить, и эти вынужденные продажи играют очень важную роль в кризисах. При продаже капиталист имеет прежде всего в виду обратное превращение своего товара, или—лучше—своего капитала, представленного в товарах, в денежный капитал, чтобы таким образом реализовать свою прибыль. Потребление—доход, поэтому не является определяющей целью этого процесса, чем оно во всяком случае является для того, кто продает товары только с целью превратить их в жизненные средства. Но это не капиталистическое производство, для которого доход является результатом, а не определяющей целью. Каждый продает, прежде всего, для того, чтобы продать, т.-е. чтобы превратить товар в деньги.

Во время кризиса человек может быть очень доволен, когда он продал, а он не думает вначале о купле. Во всяком случае, чтобы реализованная ценность снова действовала, как капитал, она должна проделать процесс воспроизводства, следовательно, она снова должна быть обменена на труд и товары. Но кризис составляет именно момент нарушения и перерыва в процессе воспроизводства. И это нарушение не может быть об'яснено тем, что оно не происходит в такие периоды, когда нет кризиса. Не подлежит

---

[1]) По существу, уже Tucker в его работе «Reflections on the expediency of a law for the naturalisation of foreign protestants» (1751) отрицает возможность общего перепроизводства. Кенэ (1766) подчеркивает, что покупка означает продажу и обратно, что одно без другого не может совершиться, желая этим доказать, что деньги играют только роль посредников. Необходимость предварительной продажи товаров, чтобы быть в состоянии покупать другие, подчеркивается особенно четко Mercier de la Rivière (L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques) (1767). Он признает, что отдельные сделки могут наталкиваться на затруднения вследствие нерегулярности покупок и продаж, но в массе равновесие между покупками и продажей восстанавливается.

Е. Бергман (Geschichte der Handelskrisen) (1895) указывает еще на одного английского анонима, который в своей работе от 1795 г. высказывал те же взгляды

никакому сомнению, что никто «не будет продолжать производить товар, на который нет спроса», но о такой нелепой гипотезе никто и не говорит. И она вообще совершенно не относится к делу. Целью капиталистического производства, прежде всего, является не «владение другими товарами», а присвоение ценности, денег, абстрактного богатства» (Там же, стр. 277).

Итак, то, что для Сэя и Рикардо, как и для их предшественников и последователей, должно было явиться доказательством невозможности общего кризиса, является для Маркса основной предпосылкой кризисов. Он ее вскрывает в самой сущности товарного производства. Товарное хозяйство имеет дело не с потребительной, но с меновой стоимостью. В последней заложено глубокое противоречие между индивидуальной и общественной стоимостью, которая выступает в виде денег. Противопоставление частного труда общественному, которое совершается в процессе обмена отдельных товаров на деньги, как выражение общественного труда, и дает возможность разрыва в этом процессе, кризиса.

«Имманентная товару противоположность потребительной стоимости,—читаем мы в «Капитале» (т. I, р. изд., 1920 г., стр. 83—84),—и стоимости частного труда, который в то же время должен представить собой непосредственно общественный труд, особенного и конкретного труда, который, однако, функционирует как абстрактный и всеобщий труд, олицетворения вещей и овеществления лиц,—это имманентное противоречие в полярной противоположности товарных метаморфоз получает развитые формы своего движения. Следовательно, уже эти формы заключают в себе возможность—однако только возможность—кризисов. Превращение этой возможности в действительность требует целого ряда условий, которые в рамках простого товарного обращения вовсе еще не существуют».

Таким образом, Маркс вскрыл корни кризиса в самой сущности товарного производства. Переходя к дальнейшему выяснению роли денег, он констатирует «возможность кризиса, обусловленную формой денег, как платежного средства». И здесь мы имеем два момента: деньги—мерило стоимостей и деньги—средство реализации стоимости. Эти два момента могут распадаться, прежде всего, потому, что в промежутке между этими моментами изменилась сама стоимость товаров в сторону понижения. Тогда вырученные деньги не могут покрыть расходов. Отсюда кризис. Или распадение этих моментов происходит во времени. К определенному сроку товар не продан, обязательства не могут быть, поэтому, выполнены. Тогда получается кредитный кризис, который принимает форму денежного кризиса, но не в смысле переполнения рынка денежными средствами, а в смысле их недостатка. Не будучи в состоянии продать в нужный момент свой товар, должник не получает необходимые средства для расплаты. Кредитные кризисы есть, следовательно, результат переполнения рынка и замедления или полной невозможности продажи произведенных товаров по данным ценам, а следовательно, и реализации вложенной в них стоимости. «Экономисты,—говорит Маркс, имея в виду буржуазных экономистов своего времени, но это замечание бьет и по Тугану, Касселю и их сторонникам, об'ясняющим кризисы «недостатком капитала»,—любят выставлять эту само собой разумеющуюся форму, как причину кризисов». Между тем денежный или кредитный кризис только внешнее выражение «первой формы кризиса»—приостановки реализации товаров.

Дальнейшую возможность кризисов Маркс видит в моменте превращения денег в капитал. Раньше Маркс разбирал возможности кризиса при товарном и денежном хозяйстве. Теперь он переходит уже к капиталистическому хозяйству и указывает на затруднения, на которые может натолкнуться процесс превращения денег в капитал, основная предпосылка капиталистического хозяйства. Такие затруднения могут встретиться, если вдруг поднялись цены на сырье. Тогда «нарушаются отношения, в которых должны были бы обратно превратиться в различные составные части, чтобы производство продолжалось в прежних размерах. Должно быть больше затрачено на сырой материал, остается меньше для труда, и не может быть поглощено такое же количество труда, как раньше». Ибо обрабатывается меньше сырья и для переменного капитала остается мало свободных средств. «Воспроизводство не может быть повторено на той самой ступени. Часть постоянного капитала стоит без употребления, часть рабочих выброшена на улицу».

Недостаток сырья является, как мы еще увидим, действительной причиной периодических кризисов. Но пока мы рассматриваем его только как одну из возможностей нарушения процесса воспроизводства, вызванную случайными естественными моментами (неурожаем) или другими факторами (военными разорениями и т. п.).

Кризис, вызываемый недостатком в одних каких-нибудь продуктах, признавался и школой Сэя-Рикардо. Частичное перепроизводство отдельного товара, как следствие недостаточного производства другого, выдвигалось ею в об'яснение явления кризисов. Но такое об'яснение названо Марксом «жалкой вылазкой». Ибо уже анализ взаимоотношений между товарами и деньгами доказывает возможность перепроизводства всех товаров, которые нельзя обменять на деньги, так как товары не находят покупателей. И само собой разумеется, что их не покупают по тем ценам, которые за них требуют. «Избыток товаров всегда является относительным, т.-е. — это избыток при известных ценах». Ибо речь идет не об абсолютном перепроизводстве, превышающее действительные потребности, как наивно представляет себе Рикардо, а о перепроизводстве при данной покупательной способности рынка.

И, разбирая этот вопрос, Маркс снова подчеркивает «нелепый способ отрицания кризисов», который мы встречаем у Рикардо и который состоит в утверждении, что потребители (покупатели) и производители (продавцы) в капиталистическом обществе тождественны. Наоборот, они совершенно отделены друг от друга. Землевладелец и денежный капиталист (и все, связанные с ними) ничего не производят, но потребляют, а то, что рабочие производят, они совсем не потребляют. Ибо они ведь производят прибавочную стоимость, т.-е. коечто сверх того, что они получают. Как же потребляют они то, чего они не получают? Если бы они производили только то, что они получают, их не нанимали бы. «Их работа тогда приостанавливается, или сокращается, или, во всяком случае, их заработная плата понижается. В последнем случае,—прибавляет Маркс,—когда производство продолжается на той же самой ступени, они не потребляют эквивалента за свое производство. Но тогда им не хватает жизненных средств не потому, что они недостаточно производят, а потому, что от своего продукта они получают слишком мало».

III.

Последний момент, что рабочие потребляют слишком мало, выдвигался, как основная причина кризисов, другим направлением, известным, как теория Сисмонди-Родбертуса. В нашей литературе теория Сисмонди нашла подробную критику у Ленина. Мы будем поэтому весьма кратки и ограничимся только одним указанием, что подобно тому, как ошибки Сэя-Рикардо повторяются в теории кризиса Туган-Барановского, так существует полное сходство между теорией Сисмонди и теорией Розы Люксембург.

Сисмонди стоит обеими ногами на позиции Сэя и Рикардо. Он также держится того мнения, что продукты обмениваются на продукты, что весь созданный в течение определенного периода общественный продукт распределяется между различными классами, как доход, и идет в личное потребление. Он только указывает на трудности, на которые наталкивается процесс уравнения между различными областями народного хозяйства. Если предложение,—писал он,—опережает спрос, то сокращение производства затруднительно. Ибо основные капиталы не могут переноситься из одного завода в другой,—момент, который впоследствии на самом деле стал играть крупную роль; затем рабочий, привыкший к какой-нибудь профессии, не может легко покинуть ее, скорей согласится получить меньше. Далее, Сисмонди указал на вытеснение машиной рабочих и на разорение мелких производителей, хотя он и не возражал против применения машин, если рабочему может быть доставлена другая работа. В этом отношении он оказал влияние на Рикардо, который впоследствии переменил свой взгляд на значение машины и признал отрицательные стороны ее капиталистического применения. Наконец, Сисмонди утверждал, что под влиянием введения машины и концентрации производства исчезает средний класс, понижается уровень жизни рабочих и сокращается внутренний рынок. Вследствие этого, «индустрия все более вынуждается искать сбыта своим товарам на внешних рынках». Вот это последнее положение Сисмонди, как известно, и пользовалось широким признанием как среди народников, так и в некоторых кругах марксистов.

На это Маркс ответил, что внешняя торговля ведь «только замещает туземные изделия другой потребительной или другой натуральной формой». «Продают,—писал Ленин,—значит, получают эквивалент; вывозят одни продукты—значит, ввозят другие».

Повидимому, и Сисмонди чувствовал всю шаткость такой позиции. В личной беседе с Рикардо, как он сам передает, они «исключили (из обсуждения.—М. С.) тот случай, когда нация продает иностранцам больше, чем покупает у них». Он выдвигал в этой беседе с Рикардо в доказательство возможности кризиса, как аргумент, исключительно трудности равновесия капиталистического хозяйства.

Во всяком случае, Сисмонди подчеркнул тенденцию капиталистического производства опередить потребление. Но у него она приняла характер постоянно действующего фактора. Обнищание широких масс идет беспрерывно, безудержно, утверждал он. Почему же, однако, мы не имеем перманентных кризисов? Почему они проявляются только в известные моменты? Более того, они проявляются как раз в те моменты, когда положение рабочих относительно улучшается, повышается зарплата, уменьшается безработица во время промышленного оживления, которое, однако, кончается непременно кризисом.

Ошибка Сисмонди состояла в том, что он, как все классики, предполагал, что весь общественный продукт должен ежегодно потребляться капиталистами или рабочими. Но одни не хотят и не могут потребить все, что они получают, а другие получают слишком мало. Отсюда безвыходное, как ему казалось, противоречие капиталистического производства. Однако все большая часть общественного продукта идет не в личное потребление, а на создание средств производства [1]). Именно это великое открытие было сделано Марксом, которое одно в состоянии об'яснить образование рынка и, как мы еще увидим, феномен кризисов.

Таким образом, Маркс указал на то, что капиталистическое развитие само создает свой рынок, так как все растущая часть общественного производства идет на образование постоянного, специально основного капитала. Однако увеличение основного капитала не может итти без одновременного роста переменного, так как (на это совершенно правильно указывает Бухарин) постройка новых машин, зданий и т. д. тоже ведь требует труда. Важен тот момент, что при быстром развитии техники и производство средств потребления имеет тенденцию к быстрому росту, обгоняя покупательную способность рынка.

Теория кризисов Родбертуса основывается на так называемом «железном законе заработной платы» Рикардо, по которому последняя всегда определяется только минимальными физиологическими потребностями; не только доля рабочего класса в общем продукте страны падает, но и абсолютно замечается ухудшение положения рабочего класса. Родбертус категорически утверждает, что «обеднение растет», что спутником роста общественного богатства является «рост нищеты» и что, наконец, доля рабочих классов в продукте и вместе с этим покупательная сила бо́льшей части общества становится все меньше и меньше. Отсюда и невозможность сбыта произведенных продуктов, кризис.

Здесь мы снова сталкиваемся с тем положением, что все, что производится, идет на личное потребление. Далее, моменты, которые существуют, как постоянно действующие факторы, приводится в об'яснение временных явлений, периодически возникающих. И, конечно, прав был Маркс, отметив, что «кризис подготовляется как раз периодом; когда совершается общее повышение заработной платы и рабочий

---

[1]) Следующая таблица может наглядно иллюстрировать этот факт:

Развитие мирового населения и мировой продукции

Годы	Население (в миллион.)	Продукция	
		Хлопка (в млн. фунт)	Чугуна (в млн. тонн)
1800	640	520	0,8
1900	1.543	6.247	40,4

За 100 лет население увеличилось в 2½ раза, продукция хлопка (предмета личного потребления) в 11 раз, а продукция железа (средств производства) в 50 раз.

класс в действительности получает более крупную долю той части годового продукта, которая предназначена для потребления. Такой период — с точки зрения этих рыцарей здравого и «простого» (!) смысла — должен бы, напротив, отдалить кризис».

В нашем исследовании послевоенного кризиса мы докажем и статистически, насколько правильно это указание Маркса: кризисы разражаются как раз в те годы, когда растет доля рабочих и падает доля предпринимателей в общем народном доходе. Характерно, что и Родбертус раньше в том же первом социальном письме к фон-Кирхману говорит о том, что кризисы наступают как раз после промышленного процветания, когда, между прочим, и «заработная плата идет на повышение».

Как бы то ни было, идеи Сисмонди и еще больше Рикардо-Родбертуса глубоко засели в сознании первых деятелей рабочего движения Запада. Лассаль, как известно, был ярым сторонником «железного закона зарплаты». В первом периоде деятельности Маркса и в особенности Энгельса мы замечаем еще следы этой идеологии, а германская социал-демократия, несмотря на знаменитую критику Готской программы Марксом, по существу исходит в своей повседневной агитационной работе из этой установки, что зарплата определяется минимумом физиологических и т. д. потребностей, а главное, что кризисы — результат низкой оплаты труда, что повышение ее создает рынок для сбыта излишка продуктов.

Теоретически этим указана основная сущность капиталистических противоречий, точнее, основная *предпосылка*, но не непосредственная причина, вызывающая кризис. Обычно она формулируется, как противоречие между неограниченной способностью капитализма к расширению продукции и ограниченной покупательной способностью населения, т.-е. рабочего класса.

Каутский, об'ясняя кризисы, пишет: «С ростом богатства капиталистов и с увеличением численности рабочих, рынок все более расширяется; но так как это расширение рынка совершается медленнее, чем накопление капитала и рост производительности труда, то спрос со стороны капиталистов и эксплоатируемых ими рабочих оказывается недостаточным для поглощения средств потребления, создаваемых крупной капиталистической промышленностью».

Итак, речь идет о перепроизводстве средств потребления вследствие относительно медленного роста спроса на них. Чем, в сущности, эта теория отличается от теории Сисмонди?

На такой точке зрения стоит и Финн-Енотаевский, который заявляет, что мнение Ленина, будто Маркс «факту противоречия между производством и потреблением отводит надлежащее второстепенное место», является «безусловно ошибочным». На самом деле, как мы увидим, прав, конечно, Ленин, а не Финн-Енотаевский. Ленин подчеркивает, «что этот факт не может об'яснить кризисов, вызываемых другим, более глубоким основным противоречием современной хозяйственной системы, именно, противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения». Это—совершенно верно. Но оно не выясняет еще, почему кризисы проявляются только спорадически. Ведь это противоречие, на которое здесь указано, существует постоянно.

На самом деле, в такой общей постановке, как у Финна или Каутского, перепроизводство принимает характер не *общего* кризиса, а *частного*, а именно, в области производства предметов потребления. Произведено их слишком много по сравнению с существующей покупательной способностью рынка. Возможность *такого* перепроизводства не отрицали и Сэй-Рикардо, как и Туган. Сисмонди утверждал, что оно необходимо при капиталистическом хозяйстве, а Каутский, Финн и другие пытаются об'яснить неизбежность их. Но все это, по существу, не двинуло нас с места: кризисы ведь *спорадическое* явление, наступающие как раз тогда, когда *пропасть между накоплением и нищетой масс уменьшается, когда зарплата увеличивается и безработица уменьшается*. Новое же промышленное оживление следует за безработицей и падением зарплаты.

Н. Бухарин подчеркивает, что кризис—следствие диспропорциональности, т.-е. неравномерного распределения капитала между отдельными отраслями и между производством и личным потреблением масс. Последняя неравномерность входит составной частью общей диспропорциональности. Очень тонкое и правильное замечание [1]). Однако диспропорциональность, как результат анархического, непланового способа производства, *явление постоянное*. Почему в определенные моменты эта диспропорциональность приводит к кризисам? Чтобы об'яснить кризисы, мало указать на моменты, могущие обрывать производственный процесс. Необходимо еще указать, что потом приводит его в движение, что вызывает промышленное оживление, которое потом регулярно и неминуемо обрывается. Необходимо, следовательно, выяснить *причину смены фаз* капиталистического производства, а не ограничиваться только указанием на моменты, благодаря которым промышленное оживление не может не оборваться. Так поставил вопрос Туган, и совершенно справедливо.

IV.

Туган-Барановский, взяв за исходную точку марксов анализ процесса воспроизводства, пытался установить свою теорию кризисов. Но он, как известно, извратил Маркса, разорвав связь между обоими подразделениями общественного производства, между производством предметов потребления и производством средств производства. Мы на этом вопросе не остановимся. Отсылаем читателя к работе Н. Бухарина: «Империализм и накопление». Важнее, с точки зрения теории кризисов, как он об'ясняет цикличное развитие капиталистического производства. Он связывает его с недостатком капитала. Если в обществе накопился свободный резерв капитала (повидимому, речь идет о *денежном* капитале), то начинается оживление промышленной деятельности; если расходование капитала приходит к концу, тогда следует промышленный кризис, который, в свою очередь, способствует дальнейшему накоплению «свободного капитала» [2]).

Как видим, речь идет *о денежных и кредитных кризисах*. Причину кризисов он ищет не в самом *процессе* производства, а во внешних факторах. Но откуда такая регулярность кризисов?

---

[1]) **Тем более ценное**, что распространенное представление о кризисе исходит из двух **причин кризиса**: *диспропорции и недопотребления*. Слагая Тугана с народниками, они думают, что получили Маркса.

[2]) Такое об'яснение кризисов мы находим у *Е. Варги* (См. «Бюллетень Института Мирового Хозяйства» за 1927 г., № 7—8, стр. 13).

Почему обнаруживается недостаток в капитале каждые 7 или 10 лет? Периодичность кризисов Туган об'ясняет периодическим изменением товарных цен. Но какая существует связь между этим изменением цен и изменениями на рынке капитала? Наконец, как *недостаток в капитале* порождает немедленно *избыток товаров и капитала*? Ведь сущность кризиса заключается именно в последнем, в *перепроизводстве* товаров и, следовательно, также *капитала в товарной форме*.

Теория Тугана имела, тем не менее, огромное влияние на развитие марксистской теории кризисов. Ближе всего к нему подошел *Гильфердинг*, давший весьма обстоятельный анализ этой проблемы, гораздо более глубокий, чем у Тугана. Он показывает, как под влиянием изменения цен на товары в разных сферах происходит перемещение капиталов, вызывающее диспропорциональность в общественном производстве.

Не считая возможным дать здесь критику действительно глубокой теории кризисов Гильфердинга, мы только отметим, что рост цен на определенные товары выражает собой не что иное, как образовавшуюся диспропорцию в распределении капитала, недостаток его в одних и избыток в других сферах. Если под влиянием роста цен начинается новое перераспределение капитала, приток его в те отрасли, в которых обнаружился наибольший под'ем цен, то это говорит за то, что диспропорциональность начинает *сглаживаться*, а не обостряться. Или, если отрасли хозяйства с высоким органическим строением капитала в состоянии привлечь значительные части капитала, так как они дают сверхприбыль, то остальные как раз во время промышленного под'ема в состоянии поднять значительно цены и тем самым привлечь на свою сторону капитал. Исходя из этого, следовало бы полагать, что промышленный под'ем ведет не к обострению диспропорциональности, а к ее смягчению. И тогда непонятно, откуда кризис.

В теории Гильфердинга много ценных указаний. Особенно важна мысль, что товарные цены повышаются неравномерно, что «кризис наступает в тот момент, когда тенденции к понижению нормы прибыли одерживают победу над тенденциями, которые приводили к повышению цены и прибыли». Но Гильфердингу не удалось, как нам кажется, дать цельную, законченную теорию кризисов. Надо сказать, что, по существу, эти же мысли были уже изложены раньше О. *Бауэром* в его статье в «Neue Zeit» за 1905 г.

Более ясное и логически законченное изложение теории кризисов Маркса дал некий *Эрих Прайзер* (в сборнике «Wirtschaft und Gesellschaft», посвященном Оппенгеймеру и вышедшем в 1924 г.) [1].

V.

В общих чертах теория кризисов Маркса сводится к следующему.

В капиталистически развитом хозяйстве основной спрос исходит из промышленного спроса на средства производства, ибо, Маркс правильно полагает, что C развивается быстрее V. Если какие-нибудь моменты (напр., технические изменения или расширение рынка) вызывают значительный спрос на эти средства производства, то начинается промышленное оживление. Дело в том, что начинаются новые постройки предприятий, шахт, доменных печей, заводов, железных дорог, электрических станций, машин, моторов и т. д. и т. д., а также, конечно, увеличивается спрос на рабочую силу, которая производит все это. Все время, пока идет процесс постройки этих предприятий, пред'является к рынку спрос на разные материалы (дерево, кирпичи, железо и т. д.) и на рабочую силу, без того, чтобы рынку возвращалась хотя бы часть стоимости этих продуктов или рабочей силы. Только тогда, когда новые предприятия или новые машины начнут действовать, они начнут возвращать постепенно часть своей стоимости рынку. Однако одновременно с постройкой новых предприятий действуют старые, которые переносят на производимые на них продукты части стоимости основных капиталов. Если мы обозначим ту часть общей стоимости, которая вкладывается в новые постройки или в новые орудия производства буквой N, а часть уже созданного основного капитала, которая реализуется уже в созданных товарах и вновь накапливаемую в виде *новых* средств производства часть прибавочной стоимости буквой A, то положение на рынке, когда приступают к постройке новых предприятий и т. д., может быть выражено одной из следующих трех формул:

$$1)\ N<A,\quad 2)\ N=A,\quad 3)\ N>A.$$

$N < A$ означает, что спрос, который пред'является со стороны новых вложений капитала, меньше той части прежнего основного капитала, которая реализуется в товарах. Другими словами, предложение товаров должно превышать спрос, если отвлечься от возможности экспорта, который мы не принимаем во внимание в нашем анализе (или от значительно увеличившегося непроизводительного потребления господствующих классов, или на военные цели). Личное потребление производительных классов не изменяет положения на рынке или, вернее, улучшает его, так как рабочие производят больше, нежели сами потребляют; и только в том случае, если они заняты производством средств производства, то и зарплата, как и стоимость сырья, реализуется в форме товаров на рынке только спустя некоторое время. В *этом смысле* потребление рабочей силы в отраслях производства средств производства ничем не отличается от потребления сырья и материалов и подразумевается нами в общем выражении N.

Такое положение, при котором новые капитальные вклады меньше реализуемой части старого основного капитала плюс накапливаемая часть прибавочной стоимости, характеризуется на товарном рынке превышением предложения над спросом, низкими товарными ценами и низким уровнем процента.

Некоторое оживление на рынке капиталов и товаров начинается, когда новые вложения достигают таких размеров, что они равняются реализуемой части старого основного капитала, когда $N = A$. Тогда наступает известное равновесие между спросом и предложением. Настроение рынка твердое, хотя цены еще не идут вверх.

Когда же $N > A$, начинается промышленный расцвет; спрос не может быть удовлетворен существующим предложением, наоборот, вызывает расширение старых предприятий, форсирует новые постройки, гонит цены вверх, как и зарплату. Это—момент расширенного воспроизводства основного капитала, которое вызывает и расширенное воспроизводство и других элементов постоянного капитала, как и усиленный спрос на рабочую силу. «В периоды создания нового основного

[1]) См. также нашу работу «К вопросу о стабилизации капитализма», 1926, стр. 96—111, а также «Введение» Б. Лифшица к сборнику: «Проблема рынка и кризисов», 1926 г.

капитала,—говорит совершенно справедливо Туган,—возрастает спрос решительно на все товары». Верно также и замечание Жюглара, который цитируется Туганом, что «годы промышленного под'ема суть годы высоких цен, годы застоя—годы низких цен».

На самом деле мы имеем следующие изменения цены и стоимости в течение кон'юнктурного цикла: повышение спроса вызывает отклонение цены от рыночной стоимости: когда в процесс производства втягиваются и отсталые предприятия, поднимается и общественная стоимость товаров. Когда на рынке получается перепроизводство, сначала падают цены, затем выбрасываются из процесса производства отсталые предприятия и понижается также рыночная стоимость. Кризисом мы, следовательно, называем такое состояние рынка, при котором цены резко и в течение более продолжительного времени падают ниже средней стоимости товаров, а промышленным процветанием,—когда цены отклоняются вверх от средней стоимости. Поэтому указание на колебание цен есть простое описание кризиса. Необходимо выяснить причину отклонения цен от средней стоимости и влияние этого факта на дальнейшее развитие кон'юнктуры.

Изменение цен во время промышленного оживления мы обосновываем положением рынка, относительно более быстрым ростом спроса, чем предложения. Ибо N > A. Новые инвестиции превышают высвобождающиеся части старого основного капитала и новое накопление. Между тем у этих авторов имеется только голое указание на повышение товарных цен без учета влияния этого момента на развитие кон'юнктуры. Между тем всякое такое повышение цен является уже тормозом дальнейшего развития кон'юнктуры.

Повышение цен на сырье, если оно довольно значительное, может вообще привести к кризису. «Если цена сырых материалов возрастает,—говорит Маркс (т. III, ч. 1, стр. 94),—становится невозможным за вычетом заработной платы вполне возместить ее из стоимости товаров. Поэтому сильное колебание цен вызывает перерывы, крупные коллизии и даже катастрофы в процессе воспроизводства». Сильные колебания цен могут быть результатом естественных и случайных моментов (неурожаев, пожаров, войн); важнее второй момент, о котором Маркс в этом месте говорит только мимоходом, а именно—неодинаковый период оборота капитала: «Растительные и животные вещества, рост и производство которых подчинены определенным органическим законам и связаны с известными естественными промежутками времени, в силу этих природных условий не могут быть внезапно увеличены в такой степени, как, например, машины и прочий основной капитал, уголь, руда и т. п.,—увеличение количества которых при неизменности природных условий может совершаться очень быстро в промышленно развитой стране. Вполне возможно, таким образом, и при развитом капиталистическом производстве даже неизбежно, что производство и рост части постоянного капитала, состоящей из капитала основного, машин и т. д., значительно обгоняет производство и рост той его части, которая состоит из органических сырых материалов; вследствие этого спрос на такие сырые материалы увеличивается быстрее их предложения, и потому цена их повышается» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 95).

В «Теории прибавочной стоимости» (т. II, ч. 2, стр. 183 р. изд.) Маркс к этому прибавляет: «Недостаток сырого материала может, однако, получиться независимо от влияния урожая или обусловлено естественными причинами производительности труда, доставляющего сырой материал. Именно, если в какой-либо особой отрасли промышленности на машины и т. д. (затрачена) слишком большая часть (накопленной) прибавочной стоимости, добавочного капитала, то сырого (материала) будет недостаточно для нового производства, хотя его было бы достаточно для старой ступени производства. Это, следовательно, получается вследствие неправильного распределения добавочного капитала между его различными элементами. Мы здесь имеем перепроизводство основного капитала.

Эта мысль Маркса вполне об'ясняет нам под'ем цен в период расширенного воспроизводства основного капитала, т.-е. в периоды промышленных под'емов, что мы констатировали раньше, исходя просто из рыночных отношений спроса и предложений. Маркс здесь дает только более глубокое об'яснение факта расхождения между спросом и предложением, которое заключается в неодинаковом распределении капитала.

Еще важнее влияние повышения цен на спрос. «Очевидно,—говорит Маркс («Капитал», т. III, ч. 1),—что расширение или сокращение рынка зависит от цены отдельного товара и находится в обратном отношении к повышению или падению этой цены». Таким образом, всякое промышленное оживление, вызывающее под'ем цен, носит в себе зачатки депрессии. И чем выше поднимаются цены, тем больше суживается круг покупателей, тем больше сокращается рынок.

Шпитгоф (статья «Krisen» в Handwörterbuch fur Staatswissenschaften, 4-е издание) произвел обследование изменения цен в периоды промышленного оживления и кризисов в Германии на основании Гамбургской статистики 100 товарных цен.

Он констатирует, что цены на сырье и полуфабрикаты (предметы «посредственного потребления», как он их называет), начинают подниматься приблизительно на один год раньше, чем поднимается общий под'ем цен, при чем как раз одновременно с возрастанием потребления железа или когда последнее перешло через последнюю высшую точку. Другими словами, цены на сырье начинают подниматься, когда начинается процесс расширенного воспроизводства основного капитала (которое выражается в потреблении железа). Цены обыкновенно,—говорит он,—идут вверх без перерыва. В период, когда еще не было картелей, под'ем цен было прекращался уже за год, или даже раньше, чем обрывался общий под'ем промышленности. Начиная с 1890 г., цены оставались высокими до фазы застоя. Иногда как раз в последний год высокой кон'юнктуры цены особенно резко поднимались.

Далее, он констатирует, что движение цен на с'естные припасы первой категории (хлеб, картофель, зелень, сыр, сало, селедки, сухие фрукты) находится в слабой зависимости от кон'юнктуры. Наоборот, цены на с'естные припасы второй категории (мясо, молоко, масло, яйца, сахар, рис) движутся параллельно общему повороту кон'юнктуры. Повышение начинается чаще еще раньше, чем цены на сырье и раньше превышения прежнего уровня потребления железа. Улучшение положения рабочего класса сказывается в повышенном потреблении именно этих продуктов. И то обстоятельство, что рост цен на эти продукты продолжается до конца кон'юнктуры, показывает, что кризис не является следствием истощения покупательной силы рабочего класса. Иначе цены на эти товары должны были бы раньше всего понизиться.

VI.

Попытаемся проверить эти данные на основании английской, американской и германской статистики.

Относительно Англии мы имеем данные о потреблении чугуна и хлопка за годы 1880 по 1908 и движение цен за эти же годы. Результат в общем и целом подтверждает выводы Шпитгофа.

Потребление чугуна и хлопка в Англии и движение их цен

Годы	Потребление чугуна в млн. тонн	Цены в $^0/_0$ к 1900 г.	Потребление хлопка в млн. англ. центнер	Цены на хлопок в $^0/_0$ к ценам 1900 г.
1880	6,2	76,1	12,3	112,7
1881	6,7	65,8	12,9	112,2
1882	6,9	66,8	13,0	112,3
1883	7,0	61,8	13,4	111,4
1884	6,6	54,7	13,1	109,1
1885	6,5	51,3	11,9	109,8
1886	6,0	50,6	13,1	95,5
1887	6,5	54,9	13,3	96,2
1888	7,0	50,4	13,6	99,1
1889	7,2	59,5	13,7	101,1
1890	6,8	72,6	14,8	102,3
1891	6,6	62,4	14,9	99,1
1892	6,0	61,2	13,6	91,6
1893	6,2	5[illegible],7	13,2	93,0
1894	6,7	54,6	14,4	79,1
1895	6,9	56,9	14,6	74,4
1896	7,7	56,7	14,7	88,7
1897	7,8	57,3	14,5	80,1
1898	7,7	62,5	15,5	68,9
1899	8,2	82,6	15,7	73,0
1900	7,7	100,0	14,5	100,0
1901	7,3	74,6	14,7	98,6
1902	7,8	77,1	14,6	97,3
1903	8,0	75,1	13,9	107,3
1904	8,0	69,6	14,0	119,9
1905	8,7	75,0	16,6	101,5
1906	8,5	83,2	17,0	119,2
1907	8,3	88,2	17,6	126,8
1908	7,9	75,3	15,4	116,1

Потребление чугуна в Англии растет до 1883 г., когда оно составляет 7 млн. б. тонн. Цены, если не считать 1880 г., поднимаются до 1882 г. Затем падают до 1886 г. В этом году потребление чугуна находится на самом низшем уровне (6,0 млн. б. т.), после этого оно поднимается до 7,2 млн. тонн в 1889 г. Цены же после некоторого повышения в 1887 г. снова понижаются в 1888 г., чтобы в 1889 г. и 1890 г. сделать большой скачек вверх. В 1889 г. английское потребление железа впервые превышает свою предыдущую точку. В этом году, следовательно, наступает расширенное воспроизводство. Под'ем цен (на 18% в течение одного года) еще относительно не слишком высок. Но

дальнейшее повышение цен (еще на 22%), повидимому, явилось причиной перелома кон'юнктуры, понижения потребления. После 1890 г. цены падают до 1896 г., когда потребление показывает превышение над прежним высшим уровнем (7,7 млн. б. тонн). Потом они идут вверх до 1900 г., хотя потребление показывает некоторый надлом (в 1899 г. 8,2 млн. тонн, а в 1900 г.—7,7 млн. тонн). Под'ем цены с 1899 г. по 1900 г. довольно значительный (21%), и, видимо, он снова явился причиной сокращения потребления. Во время следующего кризиса в 1907 г. мы опять замечаем, что цены продолжают еще возрастать (на 6%), в то время как потребление уже уменьшается с 1905 г. (8,7, 8,5 и 8,3 млн. б. тонн).

Таким образом, движение цен на железо и потребление его заставляет нас полагать, что между ростом цен и потреблением имеется определенное взаимоотношение. Повышение цен за определенный предел вызывает сокращение потребления, хотя это взаимоотношение по годовым средним не вполне ясно.

Потребление хлопка после кризиса начала 70-х гг. падает очень медленно до 1880 г., когда оно снова поднимается. Цены на хлопок тоже падают до 1879 г. С 1880 г. цена начинает снова падать до 1887 г., хотя потребление возрастает снова с 1885 г., но превышает прежний высший уровень только 1888 г. Цены поднимаются до 1890 г., а потребление в 1891 г. еще выше в 1890 г. Повышение цен здесь вообще невысокое (в 1880 г. на 6,6%, а в 1890 г.—на 1%) и не может влиять на потребление, которое определяется общим состоянием кон'юнктуры. В 90-х годах цены падают до 1895 г., а потребление уже в 1894 г. превышает последний высший уровень. Рост потребления продолжается до 1899 г., хотя цены в 1897 г. и 1898 г. резко падают в результате необыкновенных урожаев (23,8 млн. квинталов в С. Штатах 1897 г., против 18,5 млн. квинталов в 1896 г., и 24,8 млн. квинталов в 1898 г.). Момент урожайности влияет здесь на движение цен, усиливая или ослабляя и развитие потребления.

Во время второго под'ема до 1907 г. движение **цен в общем** совпадает с движением потребления. Оба достигают высшего предела в 1907 г.

Итак, в этой области нельзя установить особенной правильности, так как личное потребление зависит от состояния кон'юнктуры, с одной стороны, и урожая, с другой стороны.

То же явление отмечается и в Германии. Высшие точки потребления железа приходятся в Германии на годы 1880, 1890, 1900 и 1907. В эти годы и уровень цен на сырье наиболее высок. Надо, однако, сказать, что потребление железа испытывает в Германии только кратковременные перерывы, между тем падение цен продолжается от 1881 г. до 1887 г., далее, от 1891 г. до 1895 г. и затем от 1901 до 1904 гг. Между тем, за годы, например, 1891—1894 потребление железа превышает последний высший уровень на 8%, за годы 1901—1904—на 8,8%. Повидимому, в таком размере продукция могла расшириться или за счет вывоза готовых изделий, не заставляя прибегать к значительному новому строительству.

Если сопоставить движение потребления чугуна в Германии с движением цен, то получается следующая картина (см. табл. на след. стр.):

С 1884 г. по 1886 г. потребление идет вниз, и в то же время падают цены. Повышение потребления в 1887 г. на 18,2% по сравнению с прошлым годом или на 8,3% выше прежнего максимума, вызывает поднятие цены на 5,3%. В 1888 г. цены поднимаются в таком же размере, как потребление на 12,5% и 12,8%. Следующие два года цены

Годы	Потребление чугуна в млн. больш. тонн	Изменение цены в %% к предыд. году	Годы	Потребление чугуна в млн. больш. тонн	Изменение цены в %% к предыд. году
1880	2,7	—	1895	5,4	+ 6,8
1881	2,9	+ 1,7	1896	6,5	+ 6,4
1882	3,5	+ 1,7	1897	7,1	+ 22,0
1883	3,5	— 8,3	1898	7,4	— 1,6
1884	3,6	— 9,1	1899	8,4	+20,0
1885	3,6	—10,0	1900	9,0	+25,0
1886	3,3	—15,6	1901	7,9	—
1887	3,9	+ 5,3	1902	8,2	—36,7
1888	4,4	+12,5	1903	9,6	—
1889	4,6	+11,1	1904	9,8	—
1890	4,9	+50,0	1905	10,5	+ 1,8
1891	4,7	—33,3	1906	12,0	+24,1
1892	5,0	+ 2,0	1907	12,8	+ 4,2
1893	5,0	— 5,9	1908	11,6	—13,3
1894	5,3	— 8,3			

далеко опережают потребление (11,1% и 50%), результатом чего явился кризис с понижением потребления на 4,1% и цен—на 33,3% и 1891 г. С 1894 г. потребление начинает нарастать, но цены поднимаются только с 1895 г., когда потребление превышает прежний максимум на 11. До 1896 г. потребление повышается быстрее, нежели цены, затем цены нагоняют, а в 1899 и 1900 гг. резко обгоняют его (20% и 25% против 13,5% и 7,1%), с тем же результатом, что и прежде: падением потребления (в 1901 на 12,2% и цены в 1902 г. на 36,7%). 1903 и в особенности 1904 г. уже показывают новый под'ем потребления, между тем как цены остаются на том же низком уровне. В 1905 г. под'ем цен сравнительно слабый—1,8% при повышении потребления на 7,1% по сравнению с прошлым годом, и на 17% по сравнению с последним максимумом. В 1906 г. и в 1907 г. цены снова опережают потребление (на 24% и 14,2% против 43% и 6,7%). И вслед за этим новый кризис.

Можно, следовательно, установить совершенно определенную закономерность: цены начинают подниматься, когда новый уровень потребления обгоняет прежний самый высокий на 8—17%. При дальнейшем расширении производства под'ем цен становится значительным, в то же время потребление начинает замедляться, а после резкого под'ема цен даже сокращается. Тогда начинается кризис.

VII.

Чем вызывается сокращение потребления железа при возросших ценах? Сокращением потребления готовых железных изделий, идущих как предметы личного потребления? Но железо в личном обиходе играет сравнительно малую роль. Для железоделательной промышленности эта доля железных изделий, которая потребляется, как предметы личного потребления, весьма мало ощутительна, если к ним не присоединить и материалы, потребляемые в домостроительстве, спрос на которые тоже, конечно, сокращается. Во всяком случае, не*посредственно* влияющим фактором, вызывающим сокращение потребления железа, является, несомненно, другой момент, а именно—*невыгодность дальнейшей обработки железа.*

Дело в том, что цены на готовые изделия не поднимаются в таком же размере, как цены на сырье и полуфабрикаты. Существует определенная закономерность во взаимоотношениях между ценами на сырье и ценами на готовые изделия, которая формулирована Марксом следующими словами:

«При повышении цены сырого материала цена фабриката повышается не в том же отношении и не в том же отношении падает при понижении цены материала» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 84).

Попытаемся проверить этот закон сопоставлением цен различных товаров. Сначала приводим движение цен на главнейшие железные продукты в Германии.

Цены на чугун и на полуфабрикаты определялись синдикатами, цены на полосовое железо—на свободном рынке, хотя размер продукции регулировался картелями. Поэтому цены на полосовое железо колебались резче, чем цены на чугун и полуфабрикаты.

Так, эти цены были [1]):

Годы	Чугун		Полуфабрикаты		Полосовое железо	
	В марках за тонну	Увелич. или уменьш. в %%	В марках за тонну	Увелич. или уменьш. в %%	В марках за тонну	Увелич. или уменьш. в %%
1880	58	—	—	—	185	—
1882	60	+ 3,4	—	—	145	— 27,7
1886	38	— 36,7	65	—	90	— 35,1
1890	75	+ 97,4	90	+ 41,4	190	+ 111,1
1894	44	— 41,3	68	— 24,4	105	— 44,7
1900	90	+ 104,5	130	+ 91,2	180	+ 71,4
1904	57	— 36,7	82,5	— 36,5	102	— 40,0
1907	75	+ 31,6	97,5	+ 18,2	140	+ 37,2
1909	57	— 24,0	87,5	— 10,2	90	— 35,7

Мы тут приводим только высшие и низшие пункты, вычисляя только колебания цен в процентах. Из этих данных видно, что между ценами на чугун и на полуфабрикаты существует определенное взаимоотношение: цены на полуфабрикаты поднимаются во время хозяйственных под'емов меньше и падают во время кризисов меньше, нежели цены на чугун. Цены на полосовое железо колеблются сильнее, нежели цены на чугун и полуфабрикаты, устанавливаемые синдикатами.

Еще определеннее сказывается эта закономерность, если рассматривать движение цен (взвешенных, средних) на чугунные и готовые стальные изделия (которые мы берем из Metall-Statistics за 1927 г.).

В 1897 г. цена на чугун была самая низкая, 9,98 долл. за тонну, а цена на стальные изделия была 1,4 цента за фунт, или 31,36 долл. за тонну. В 1901 г. цена на чугун поднялась до 17,82 долл., или на 78,6%; цена на стальные изделия повысилась до 2,26 цента за фунт или на 61,4%. В дальнейшем мы имеем понижение цен в 1901 г., новый под'ем в 1902 г., новое понижение в 1903 г. и 1904 г. В последнем году цена на чугун стоит на 13,34 долл. за тонну, или на 25,1% ниже, чем в 1900 г., а цены на стальные изделия—до 1,77 цента за фунт, или на 27,7% ниже. Дальнейший под'ем цен был следующим: в 1907 г. цены на чугун поднялись до 22,49 долл. (на 68,6%), а на стальные изделия—до 2,06 цента (16,4%). В 1911 г. цена на чугун была 14.00 долл., а на стальные изделия—1,66 цента. Понижение в первом случае 37,8%, а во втором—19,4%. При следующем под'еме цены на готовые изделия снова отстали от движения цен на сырье.

[1]) Emil Müssig, Preisentwicklung in der Montanindustrie, S. 1870.

Для наглядности мы приводим еще раз это движение цен в виде таблицы:

Годы	Цены на чугун в долл. за тонну	Изменение в %	Цены на стальные изделия в центах за фунт	Изменение в %
1897	9,98	—	1,40	—
1900	17,82	+ 78,6	2,26	+ 61,4
1904	13,34	— 25,1	1,77	— 21,7
1907	22,49	+ 68,6	2,06	+ 16,4
1911	4,00	— 37,8	1,66	— 19,4
1913	15,42	+ 10,1	1,72	+ 3,6

Уже эти данные подтверждают целиком указанный закон движения цен, установленный Марксом. Еще определеннее он проявляется, если разбить всю группу товаров на сырье и готовые изделия. Движение цен было (по данным американской статистики, Statistical Abstract, 1911 и 1912) следующее:

Индекс цен (1890 — 1899 = 100).

Годы	Сырье	Готовые фабрикаты	Годы	Сырье	Готовые фабрикаты
1890	115,0	112,3	1903	122,7	111,5
1891	116,3	110,6	1904	119,7	111,3
1892	107,9	105,6	1905	121,2	114,6
1893	104,4	105,9	1906	126,5	121,6
1894	93,2	96,8	1907	133,4	128,6
1895	91,7	94,0	1908	125,5	122,2
1896	84,0	91,9	1909	136,8	123,9
1897	87,6	90,1	1910	139,7	129,6
1898	94,0	93,3	1911	139,9	129,6
1899	105,9	100,7	1912	149,5	129,7
1900	111,9	110,2			
1901	111,4	107,8			
1902	122,4	110,6			

Из этой таблицы мы видим, что цены на сырье уменьшаются от 1890 до 1896 г. с 115 до 84 (при основе 1890—1899=100), т.-е. почти на 27%, а цены на готовые изделия падают с 112 до 90,1 (1897), или меньше, чем на 20%. С 1900 г. цены на сырье поднимаются до 111,9, или на 33%, в то время как цены на готовые изделия повышаются только до 110,2, или меньше, чем на 20%. Цены 1907 г. превышают цены 1900 г.: на сырье на 19,2% (до 133,4), а на готовые изделия на 16,8%. Понижение цен в 1908 г. было: на сырье—на 5,9% (124,5), а на готовые изделия—на 4,9%. И дальнейшее повышение до 1910 г. на сырье до 139,9, а на фабрикаты до 129,6—снова подтверждает положение Маркса: повышение цен на сырье было на 11,3%, а на готовые изделия всего на 6%.

VIII.

Почему, однако, цены на готовые изделия не следуют за ценами на сырье? Прежде всего потому, что этому мешает конкуренция старых предприятий, которые были созданы при еще относительно низких товарных ценах и основной капитал которых, следовательно, прибавляет к стоимости новых продуктов меньшую часть стоимости, чем работа новых предприятий.

Далее, это об'ясняется тем, что между стоимостью средств существования и заработной платой существует такое же взаимоотношение: при повышении первой последняя не поднимается соответственно (реальная зарплата падает), при понижении прожиточного

минимума зарплата падает не в таком размере (реальная зарплата повышается). Понижение реальной зарплаты ведет к сокращению потребления, следовательно,—уменьшению спроса. Вследствие этого цены на готовые изделия, стоящие перед сокращающимся рынком, не могут подниматься соответственно с повышением цен на сырье, спрос на которое, как мы сейчас увидим, еще некоторое время должен увеличиваться.

Но почему зарплата не может подниматься соответственно с повышением стоимости средств существования? Потому, что, при неизменной производительности труда (а последняя ведь не зависит от того, растут ли или падают цены), повышение зарплаты означает резкое сокращение нормы прибавочной стоимости, которая потом еще делится на больший капитал (вследствие вздорожания сырья и рабочих рук) и, следовательно, резкое понижение нормы прибыли. Этому предприниматели противодействуют. «Если,—писал Маркс в I т. «Капитала» (стр. 609),—уменьшение (неоплаченного труда) доходит до того пункта, когда прибавочный труд, которым питается капитал, перестает предлагаться в нормальном количестве, то наступает реакция: та часть дохода, которая подвергается капитализации, уменьшается, накопление ослабевает, и восходящее движение заработной платы сменяется обратным движением».

Благодаря этому заработная плата отстает от движения товарных цен, если они быстро движутся вверх; отсюда и емкость рынка не расширяется пропорционально с ростом цен; отсюда и некоторое замедление в движении цен на готовые фабрикаты [1]).

Надо, однако, сказать, что и движение зарплаты развивается диалектически: сначала она отстает от повышения общего уровня цен; затем, когда спрос на рабочие руки быстро возрастает, она обгоняет под'ем цен на готовые изделия, вызывая в обрабатывающей промышленности резкое сокращение нормы прибавочной стоимости и являясь вместе с этим одной из причин кризиса.

Это явление станет яснее, если мы проиллюстрируем его на простом цифровом примере. Пусть сырье раньше стоило 1.000 рублей, готовый фабрикат—1.540 руб., при чем 400 руб. составляют дополнительные расходы по производству, а 140 руб.—прибыль. Уровень прибыли составит тогда 10%. Положим, цена сырья поднялась до 1.200 рублей, тогда готовый фабрикат обойдется предпринимателю в 1.600 руб.: 10% составят 160 руб., и товар должен стоить 1.760 р., или на 220 руб. дороже, хотя цена сырья поднялась всего на 200 руб. По указанному Марксову закону он сможет продать этот товар за 1.750 руб., или 1.740, или даже за 1.730 р. Тогда норма прибыли будет 9,3%, 8,7% или 8%.

«Таким образом,—заключает Маркс,—в одном случае (при повышении цен на сырье.—М. Сп.) норма прибыли падает ниже, в другом (при падении цен на сырье.—М. Сп.) повышается сильнее, чем это имело бы место при продаже товаров по их действительной стоимости».

Такое положение вещей имеет огромное влияние на ход капиталистического хозяйства. «Норма прибыли—это та сила, которая приводит в движение капиталистическое производство; производится только то, и постольку, что и поскольку можно производить с при-

[1]) К этому надо еще прибавить большую напряженность спроса на сырье, производство которого не поспевает за развитием обрабатывающей промышленности, о чем говорили раньше.

былью» (т. III, ч. 1, стр. 241). Поэтому падение нормы прибыли и является пределом дальнейшего расширения производства.

На первых порах падение нормы прибыли имеет, однако, совершенно другой результат. Стремясь возместить возросшие расходы на сырье понижением других расходов и ускорением оборота капитала, предприниматель увеличивает *нагрузку* предприятий, а тем самым и размер производства, ибо стоимость продукции, как известно, падает с расширением ее об'ема. Увеличить продукцию, значит увеличить спрос на сырье, следовательно, еще больше гнать цену его вверх, а в то же время необходимость стремиться к расширению рынка заставляет итти на дальнейшее понижение цены на готовые фабрикаты.

Гильфердинг указывает как на моменты, ведущие во время промышленного под'ема к понижению нормы прибыли, на повышение органического строения капитала в связи с переходом к новому оборудованию. «Норма прибыли,—говорит он,—падает по двоякого рода причинам: во-первых, потому, что сократился переменный капитал по сравнению с общею массою капитала, следовательно, прежняя норма прибавочной стоимости выражается в понизившейся норме прибыли. Во-вторых, потому, что чем крупнее основной капитал по сравнению с оборотным, тем продолжительнее период оборота капитала, удлинение же периода оборота тоже знаменует понижение нормы прибыли» (Р. *Гильфердинг*, «Финансовый капитал»).

Однако давление органического строения капитала на норму прибыли сказывается только во время кризиса, когда обостряется взаимная конкуренция предпринимателей, а не в то время, когда цены идут вверх. Точно также и удлинение периода оборота капитала наступает только при заминке в сбыте; во время повышательной кон'юнктуры, когда спрос опережает предложение, оборот капитала ускоряется, несмотря на увеличение основного капитала.

На самом деле, мы имеем следующее положение: до тех пор, пока расширенное воспроизводство основного капитала поглощает больше, чем часть стоимости уже работающего основного капитала, которая переносится на товары, спрос опережает предложение, цены продолжают подниматься и норма прибыли не может резко падать. Рост цен на сырье постепенно, однако, задерживает расширение основного капитала. Ибо избыточная часть капитала уходит на оборотный капитал (сырье и зарплата), норма прибыли понижается и становится выгоднее отдавать банкам освобождающийся капитал, так как они платят высокие проценты (о чем речь еще впереди). С другой стороны, всякий старается расширить производство, используя до крайних пределов старый основной капитал, так что скоро наступает момент, когда освобождающаяся часть основного капитала превышает новые вложения в основной капитал ($A > N$), рынок *переполняется*, цены резко падают, наступает кризис...

В свете этой теории ясно становится, что Маркс хотел сказать, заявляя, что границей капиталистического производства является сам капитал, его стремление к самовозрастанию. «Пределы, в которых только и может происходить сохранение увеличения капитальной стоимости, основывающееся на экспроприации и обеднении широких масс производителей, эти пределы постоянно вступают, поэтому, в конфликт с методами производства, которые должны применять капитал ради *своих целей* и которые направлены к неограниченному увеличению производства—производству, как самоцели, безусловному развитию общественной производительной силы труда». Смысл этого места у Маркса, которое принимается как указание на основную причину кризисов, выясняется, однако, в следующей главе, где Маркс говорит о перепроизводстве капитала. Чтобы выяснить последнее явление, Маркс сначала предполагает, что наступает абсолютное перепроизводство капитала. Это возможно «в том случае, если бы дополнительный капитал для капиталистического производства был=0, т.-е. если бы возросший капитал производил бы лишь такую же, или даже меньшую массу прибавочной стоимости, чем до своего увеличения»..

Следствием такого положения вещей,—говорит Маркс,—было бы «сильное и внезапное понижение общей нормы прибыли». Часть капитала была бы выброшена из производственного процесса, и даже часть «материального вещества капитала... не функционировала бы, не действовала бы, как капитал; приостановилась бы часть предприятий, уже начавших производство».

«Но главное разрушительное влияние, притом самого острого характера, коснулось бы капитала, поскольку он обладает свойством стоимости, коснулось бы капитальных *стоимостей*. Часть капитальной стоимости, находящаяся просто в форме свидетельств на получение доли будущей прибавочной стоимости, прибыли, в действительности представляющая только различные формы долговых обязательств на производство, обесценивается тотчас же за уменьшением доходов, на которые рассчитана эта часть. Часть наличного золота и серебра лежит без употребления, не функционирует как капитал. Часть находящихся на рынках товаров может совершать свой процесс обращения и воспроизводства только при чрезвычайном понижении своих цен, следовательно, путем обесценения того капитала, который эта часть представляет. Точно так же более или менее обесцениваются элементы основного капитала. К этому присоединяется то, что определенное предположительное отношение цен обусловливают процесс воспроизводства, и потому последний, вследствие общего понижения цен, приостанавливается и приходит в расстройство. Это расстройство и приостановка процесса воспроизводства парализуют функцию денег как платежного средства, развивающуюся с развитием капитала и основывающуюся на упомянутых предположительных отношениях цен, разрывает в сотне мест цепь платежных обязательств на определенные сроки, еще более обостряется сопровождающим это потрясением кредитной системы, развившейся вместе с капиталом и, таким образом, приводит к сильным и острым кризисам, к внезапным насильственным обесценениям, действительному нарушению и упадку процесса воспроизводства и вместе с тем, к действительному сокращению воспроизводства («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 235—236).

Вот картина кризиса, причина которого лежит в «абсолютном перепроизводстве капитала», которое, конечно, не есть «абсолютное перепроизводство средств производства», а только перепроизводство капитала, не могущего «*порождать дополнительную стоимость*». Оказавшееся перепроизводство вызвано тем, что капитал оказался «неспособным эксплоатировать труд в той степени..., при которой с возрастанием массы применяемого капитала увеличивается, по крайней мере, масса прибыли, и которая, следовательно, исключает возможность того, чтобы норма прибыли падала в той самой мере, как возрастает капитал, и, в особенности, чтобы норма прибыли понизилась быстрее, чем возрастает капитал».

Итак, перепроизводство капитала и товаров наступает в тот момент, когда добавочный капитал не в состоянии даже увеличить

массу прибыли, так как норма прибыли падает в той самой мере, как возрастает капитал или даже быстрее.

«Перепроизводство капитала никогда не означает чего-либо иного, как перепроизводство средств производства,—средств труда и средств существования,—которые могут функционировать как капитал, т.-е. могут применяться для эксплоатации труда при данной степени эксплоатации. Понижение же этой степени эксплоатации, ниже определенного пункта, вызывает нарушения капиталистического процесса производства, приостановку его, кризисы, разрушение капитала» («Капитал», т. III, ч. I, стр. 237) [1]).

Итак, следующее глубокое противоречие, заложенное в самом корне капиталистического производства, сопровождающее его и усложняющееся вместе с его развитием, ведет неминуемо к кризису. *Расширение основного капитала* (не считая нового использования реализуемой части уже функционирующего основного капитала) *вызывает усиленный спрос на сырье и вместе с этим под'ем его цены. Последнее обстоятельство давит на норму прибыли обрабатывающей промышленности, заставляет предпринимателя воздержаться от новых капитальных вложений* [2]). Спрос на товары начинает замедляться. Тем временем начинает работать новый капитал, реализуя свои части в виде новых товаров. А растет, N сокращается. Далее, под давлением падающей нормы прибыли стремятся к лучшему использованию предприятия, расширенному производству, большей нагрузки, что снова означает увеличение *предложения*, давление на цены. Рост А ускоряется. Чтобы ускорить оборот капитала, идут на понижение цен. Но увеличение спроса на сырье ведет к дальнейшему его вздорожанию. *Расхождение «ножниц» становится еще бо́льшим*. Еще больше замедляется процесс расширения воспроизводства основного капитала. А начинает обгонять N, рынок переполняется, наступает кризис.

Падение нормы прибыли начинается за определенное время до начала кризиса. В связи с этим и повышением процента на ссудный капитал начинается падение ценностей на биржах, курс которых, ведь, определяется доходностью предприятий, капитализированной на основе учетной ставки. Если доходность понижается, а учетная ставка повышается, то биржевой курс резко падает, что служит обычно предвестником приближающегося кризиса (напоминая о падении доходности предприятий). Некоторое время, однако, курс может снова повыситься, вследствие увеличения *массы* прибыли. Однако погоня за массой прибыли только обостряет противоречия и ускоряет приближение окончательного кризиса.

Падение цен сначала на готовые изделия перекидывается и на сырье, при чем в последнем случае оно наступает несколько позже, так как вызванное расширение производства по техническим и экономическим причинам не может быть скоро сокращено. Останавливаются новые инвестиции, но заключенные договоры продолжают действовать и часто удерживают цены на сырье еще некоторое время на прежней высоте.

[1]) Несмотря на эту совершенно ясную постановку вопроса, некоторые «марксисты» продолжают утверждать, что причина кризисов лежит не в *перепроизводстве*, *а в недостатке* капитала.

[2]) «Поскольку норма увеличения стоимости всего капитала, норма прибыли,— говорит Маркс,—служит стимулом капиталистического производства (подобно тому, как увеличение стоимости капитала служит его единственной целью), понижение нормы прибыли замедляет образование новых самостоятельных капиталов и, таким образом, является угрозой развития капиталистического процесса производства; оно способствует перепроизводству, спекуляции, кризисам, появлению избыточного капитала на ряду с избыточным населением» («Капитал», т. III, ч. I, стр. 222).

Это не кризис от «недопотребления», не результат несоответствия между ограниченной покупательной способностью масс и способностью капиталистического производства к безграничному расширению, а результат стремления предпринимателя противодействовать падению нормы прибыли путем увеличения размеров продукции (конечно, по возможности сохраняя высокие цены и низкую зарплату) и сокращения времени оборота капитала, приводящего на практике только к еще бо́льшему падению нормы прибыли и к переполнению рынка.

Отсюда ясно, почему приостанавливается переход капитала из области производства предметов потребления в область производства средств производства. Вопрос [1]), который так смущал Тугана и который привел его к абсурдному заключению, что возможно существование капитализма без рабочих, разрешается на самом деле весьма просто: *этот процесс новых капитальных инвестиций прерывается под влиянием возросших цен на сырье, давящих на норму прибыли и делающих эти инвестиции уже больше невыгодными*...

В нашем об'яснении причины кризиса нет и обычного разрыва между общим об'яснением кризиса и периодичности его: момент, вызывающий кризис, расхождение в ценах на сырье и на готовые изделия, и обусловливающий вместе с этим падение нормы прибыли, не существует отдельно от общего процесса расширенного воспроизводства основного капитала, а вызывается последним, следовательно, наступает только от времени к времени; вместе с этим он не отделим от этого процесса, является его спутником, преследующим его на каждом шагу, пока он его не сокрушает. Началом расхождения цен можно считать момент, когда спрос на средство производства превышает производительную способность существующих предприятий, т.-е. потребление их обгоняет последний высший предел, что означает *расширенное воспроизводство основного капитала*. Но только спустя несколько лет первые инвестиции начинают давить на рынок, ибо начатые постройки заканчиваются, в то же время уменьшается спрос, так как новые капитальные инвестиции под влиянием возросших цен сокращаются. Таким образом, всякое «оживление» капиталистической промышленности носит в себе зародыш своей гибели, которая неминуемо наступает, однако, только через некоторое время, когда это оживление переходит определенные границы.

IX.

Наконец, у Тугана и у других теоретиков начало нового промышленного оживления, выход из кризисного состояния связывается более или менее случайными или внешними (хороший урожай, новые внешние рынки) моментами. С точки зрения развитой нами теории кризисов каждый кризис носит в себе зародыши нового оживления промышленности, как оживление неминуемо снова должно вести к новому кризису. Это постоянное чередование между кризисом и промышленным оживлением лежит в существе развитых нами законов движения цен на сырье и на готовые изделия.

[1]) Прибавим в примечании, что на этот вопрос еще никто не дал ответа.

Если мы раньше констатировали, что цены на готовые изделия не вполне следуют за повышением цен на сырье, что вследствие этого норма прибыли в обрабатывающей промышленности падает, то мы теперь констатируем дальше уже на основании выше приведенных материалов, что и во время кризиса цены на фабрикаты не следуют за ценами на сырье. Последние падают сильнее, чем первые.

Так, в Соединенных Штатах цены на сырье и готовые изделия были (Schluter, The Pre-War Business-Cycle, 1907 to 1914), Нью-Йорк, 1923):

	Сырье	Готовые изделия
	(1890—1899=100)	
Июль 1907 г.	136,9	128,5
Сентябрь 1907 г.	132,8	130,3
Май 1908 г.	122,4	122,4
Май 1912 г.	157,8	129,9

Цены на сырье упали с 136,9 до 122,4, или на 10%, а на готовые изделия—только на 6%.

При всех этих колебаниях необходимо еще иметь в виду, что рост производительности труда в области производства готовых изделий идет гораздо быстрее, чем в добывающей промышленности [1]), производящей сырье, или в сельском хозяйстве. Во время кризиса начинается процесс улучшения продукции и организации сбыта. Благодаря этому, происходит понижение себестоимости производства в обрабатывающей промышленности; в то же время цены на сырье падают быстрее, чем на промышленные продукты (к тому же понижается заработная плата!). В результате—повышение нормы прибыли, что дает толчек к усилению промышленной деятельности. Тогда снова повышается спрос и на сырье, а вместе с этим идут вверх и цены. Так, потребление чугуна в Соединенных Штатах поднимается уже с 1 июля 1909 по июнь 1910 г., но все еще не превышает прежнего высшего уровня. И только в год 1910/11 оно, сделав значительный скачек вверх, приводит к тому, что с конца этого года начинается новый под'ем цен...

Но почему цены на сырье падают значительней, чем цены на готовые изделия?

Маркс говорит: «Повышение цены приводит в действительности к тому, что: 1) сырые материалы начинают подвозиться из более отдаленных местностей, так как повышенная цена покрывает увеличение издержки перевозки; 2) производство их расширяется, при чем, однако, действительное увеличение массы продукта в зависимости от естественных условий может произойти не сразу, а, быть может, лишь через год, и 3) пускаются в ход всякого рода суррогаты, до сих пор не применявшиеся, и более экономно начинают обращаться с отбросами. Если повышение цен начинает очень заметно влиять на расширение производства и предложения, то это означает обыкновенно, что достигнут уже поворотный пункт, после которого, вследствие продолжающегося увеличения количества сырого материала и всех товаров, в которые он входит, как элемент, спрос понижается, а потому наступает реакция и в движении цен сырого материала, независимо от конвульсий, которые вызывает эта реакция, вследствие обесцене-

[1]) Стоимость продукции промышленности Соед. Штатов увеличилась, считая на 1 рабочего, с 1889 по 1919 г. несколько больше, чем в т р и р а з а, а продукция горной промышленности м е н ь ш е, ч е м в д в а р а з а.

ния капитала в его различных формах, сюда присоединяются другие обстоятельства, о которых мы сейчас упомянем.

Уже из сказанного до сих пор ясно следующее: чем более развито капиталистическое производство, чем более поэтому имеется средств для быстрого и безостановочного увеличения части постоянного капитала, состоящей из машин и т. д., чем быстрее накопление (особенно в периоды процветания), тем больше относительное перепроизводство машин и прочего основного капитала, тем чаще наступает относительное недопроизводство растительных и животных сырых материалов, тем отчетливее проявляется вышеописанное увеличение их цены и соответствующая этому последнему реакция. Тем чаще, следовательно, происходят те потрясения, которые вытекают из этого сильного колебания цены одного из главных элементов процесса воспроизводства» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 95—96).

Может быть, важнее, чем указанные здесь Марксом моменты, является то обстоятельство, что в добычу сырья вкладывается большой капитала, который не может быть оттуда вынут, производство которого только с большими потерями может быть ограничено. Строение капитала в горной промышленности очень высокое, и вследствие этого неполная нагрузка или прекращение продукции особенно тяжело отражается на предприятии, которое предпочитает продавать по низким ценам, чем сокращать производство. Даже в Соединенных Штатах, где чаще всего прибегают к сокращению продукции (так как тяжесть безработицы, главным образом, падает на иностранных рабочих, и предприятия горной промышленности еще сравнительно мелки), все же цены на сырье падали сильнее, чем цены на готовые изделия.

Надо иметь еще в виду, что в некоторых областях сельского хозяйства (например, в скотоводстве) сокращение производства, которое не вызвало бы полного разорения предприятия, возможно только через более продолжительный период. Раз начатое расширенное воспроизводство должно закончиться, хотя бы продукты приходилось продавать по низким ценам.

В другом месте Маркс так рисует выход из кризиса:

«При образовавшемся абсолютном перепроизводстве начинают действовать другие влияния. Застой производства лишил бы работы часть рабочего класса, и, вследствие этого, другую, занятую часть его, поставил бы в такие условия, при которых ей пришлось бы примиряться с понижением заработной платы даже ниже среднего уровня,—обстоятельство, которое производит на капитал совершенно такое же действие, как если бы при средней заработной плате повысилась относительная или абсолютная прибавочная стоимость; с другой стороны, падение цен и борьба конкуренции побуждали бы каждого капиталиста понижать индивидуальную стоимость его продукта ниже его общей стоимости, посредством применения новых машин, новых усовершенствованных методов труда, новых комбинаций, т.-е. повышать производительную силу данного количества труда, понижать отношение переменного капитала к постоянному и, таким образом, освобождать рабочих, короче говоря, создавать искусственное перенаселение. Далее, обесценение элементов постоянного капитала, само сделалось бы элементом, влекущим за собой повышение нормы прибыли. Масса применяемого постоянного капитала возросла бы по сравнению с переменным, но стоимость этой массы могла бы уменьшиться. Наступивший застой производства подготовил бы дальнейшее расширение его в капиталистических границах» («Капитал», т. III,

ч. 1, стр. 236). Следовательно, повышение нормы прибыли, как результат застоя, выводит производство на новый путь.

Наконец, и по отношению к зарплате действует тот же закон: падение цен не вызывает соответственного падения зарплаты. Здесь действуют социально-психологические моменты, сопротивление рабочих. Медленное понижение зарплаты означает рост ее реальной величины и, следовательно, покупательной способности. Отсюда и расширение рынка вместе с падением цен на фабрикаты, обстоятельство, задерживающее самый процесс падения цен на готовые изделия.

Так как производственные расходы готовых продуктов, изготовленных из дорогого сырья и долженствующих оплатить и дорого стоивший аппарат, только медленно понижаются, то естественно стремление обрабатывающей промышленности по возможности удерживать цены на высоком уровне. Это им удается, так как постепенно расширяется рынок вместе с падением цен. Полного прекращения потребления продуктов промышленности не бывает; вопрос сводится исключительно к перепроизводству при д а н н ы х ценах. Наоборот, новое строительство может временно почти совершенно прекратиться. Для ряда товаров, строительных материалов и т. п. может получиться нечто в роде абсолютного перепроизводства, так как строительство не развивается. Чтобы вызвать его к жизни, дать новый толчок строительной кампании, цены на эти материалы должны уже значительно пасть. Только при значительном удешевлении стоимости построек, перспективы новых инвестиций становятся более благоприятными.

В том же направлении действует и понижение учетной ставки и облегчение кредита. Так как задерживается процесс новых построек, в то время как идет ликвидация старых запасов материалов и продолжается с ослабленным темпом дальнейшее производство, то освобождающиеся части капитала (A) принимают сначала форму денежного кредитного капитала, ищущего применения. Отсюда резкое падение учетного процента после того, как первый момент кризиса преодолен. A значительно превышает N, по мере того, как N приближается к нулю.

Но даже тогда, когда начинаются новые инвестиции, долгое время предложение превышает спрос на капитал, так как цены на сырье еще относительно низкие, освобождающиеся части старого основного капитала значительны. Только перешагнув через прежний уровень производства, новые инвестиции заставляют расширять и продукцию сырья, как и специально строительных материалов. Тогда начинается рост цен на последние, и в то же время начинает ощущаться недостаток в капитале (A<N), вследствие чего и поднимается учетная ставка. «Если мы рассмотрим,—пишет Маркс («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 345),—циклы оборотов, в которых движется современная промышленность,—состояние покоя, возрастающее оживление, расцвет, перепроизводство, крах, застой, состояние покоя и т. д., ...но мы увидим, что низкий уровень процента в большинстве случаев соответствует периоду расцвета или добавочной прибыли, повышение процента переходу от расцвета к сменяющему его повороту, а максимум процента, достигающий самых крайних ростовщических размеров, соответствует кризису».

Эта «теория кон'юнктуры» Маркса вполне соответствует тому, что нами сказано в об'яснение кризиса. Движение процента—только отражение производственных отношений, определяемых взаимоотно->шением между N и A. Если N A, процент низок, «добавочная прибыль» значительна, начинается промышленное оживление, N=A, [illegible]

ступает переход от расцвета к кризису, растет спрос на капитал, повышается процент...

Таким образом, каждый кризис очищает путь к новому промышленному оживлению, а каждое промышленное оживление неминуемо ведет к новому кризису. Само собой разумеется, что денежно-кредитные моменты и биржевые операции сильно усложняют и затемняют эти процессы. Большое влияние на ход развития имеют также монополистические организации, регулирующие цены на сырье. Но, как мы видели, общей тенденции развития, расхождения концов «ножниц» они не сумели преодолеть и вместе с этим и самого явления кризиса.